

САМАЯ известная и любимая среди женщин с гитарой, Долина больше не участвует в бардовских проектах и до сих пор в одиночку собирает полные залы. Пожалуй, она стала первой, кто открыто посвящал слушателей в свою будущую жизнь. Характерная внешность, непривычное число детей, некоторая манерность, острый язык и никаких сантиментов. Когда мы встретились, Вероника Долина учила дочку варить фасольный суп.

— **Вам случалось предсказывать в стихах собственную судьбу?**
— Почти вся моя жизнь до смешного прописана. Например, злосчастные строчки «Когда б мы жили без затей, Я нарожала бы детей» написала в 20 лет, когда моему первому сыну едва исполнился год и все в моей жизни казалось благополучным. А я сочинила дурацкую балладу о том, как влюблюсь и произвожу на свет детенышей. Мои культурные родители чуть не сошли с ума. Если бы это спела хорошенькая девочка с приятными округлостями, все могло бы сойти за юмор. Но а! Простодушная манера, снисходительный к публике вид, как-то смирительно небезупречная внешность. Все вместе производило чересчур правдивое впечатление. И действительно, сегодня у меня четверо детей, правда, всего от двух мужей. Но дети дейст-

ва, настоящие взятчики. Когда я праздновала день рождения одного из мальчишек детства, я, на всякий случай, заваливала подарками двух других. Неужели вы думаете, что, когда я принимала решение лишить их отца, я не нашла способов материально компенсировать эту потерю?

— **Тем самым поддерживая жизнестойчивость?**

— А как иначе? Человеку нужно давать. Все: помощь, радость, возможности, степени свободы. При полном равнодушии государства это можно обеспечить только на частном уровне. Я взяла своих детей на себя. Конечно, я себе прощептала: они будут виднеться с отцом, и я сделаю так, чтобы они минимально пострадали. Я их государство, я их пушину: рядом со мной они получат гораздо больше, чем с кем бы то ни было.

— **Вы видите в них себя?**

— Мой старший сын пишет диссертацию о советских детских книжках. Возлюбленная моя тема, она одна меня чуть-чуть утешала на моем пути-дороге в пединститут. Сын совершенно самостоятельно освоил эту тему. Я не помню, чтобы мы когда-то это обсуждали. Средний мальчик пошел в театральные. Не спросая, как уходят в мореходное училище.

— **Но ведь в вашем доме появился кинорежиссер!**

нравится давлению моей персоны на детей, на мужа, на обстановку в доме. Но когда дети громко включают какую-нибудь западную мелодию, я привожу веский аргумент: «Что за свинство! Я же здесь не сижу с ногами крест-накрест, с утра до ночи тренькая на гитаре. А я, между прочим, всех вас этим кормлю».

— **Неужели даже застолье обходится без гитары?**

— Я никогда не играю дома. Скажу вам застенчиво: есть такая профессия — Вероника Долина. Антрепризный театр, существующий на разных площадках. Но репетиции никому не видны, а режиссура не заметна. Сочиняю я тихо: чирк-чирк по бумажке. Спектакль проходит далеко от дома. Я не собираюсь изображать из себя прималонну: вытянув шею, схватив гитару, вставать на котурны. Это безобразное зрелище детям не по плечу. Неужели вы думаете, что стриптизерша репетирует перед детьми — пусть это непристойное сравнение. Но для меня петь у себя дома — как выдвигать свою кандидатуру в Государственную Думу. Мой полум в другом месте, и я произношу на нем другие слова.

— **Возникали ли у вас проблемы с мужчинами из-за вашей известности?**

— Некоторое количество персонажей, прошедших через мою жизнь, претерпели тщательный

Я помню, как на праздновании своего 60-летия в бардовской среде Булат Шалвович сказал: «Никуда не надо было вступать, ни в Союз кинематографистов, ни в Союз писателей — только в КСП». А сегодня аббревиатура КСП (Клуб самодельной песни) звучит чуть ли не постыдно. Но что делать? Эволюция. Так что все существующие сегодня на руинах КСП проекты кажутся мне мертворожденными и малокультурными. Я — вне. Никакого «возьмемся за руки». Будем про падать по одиночке.

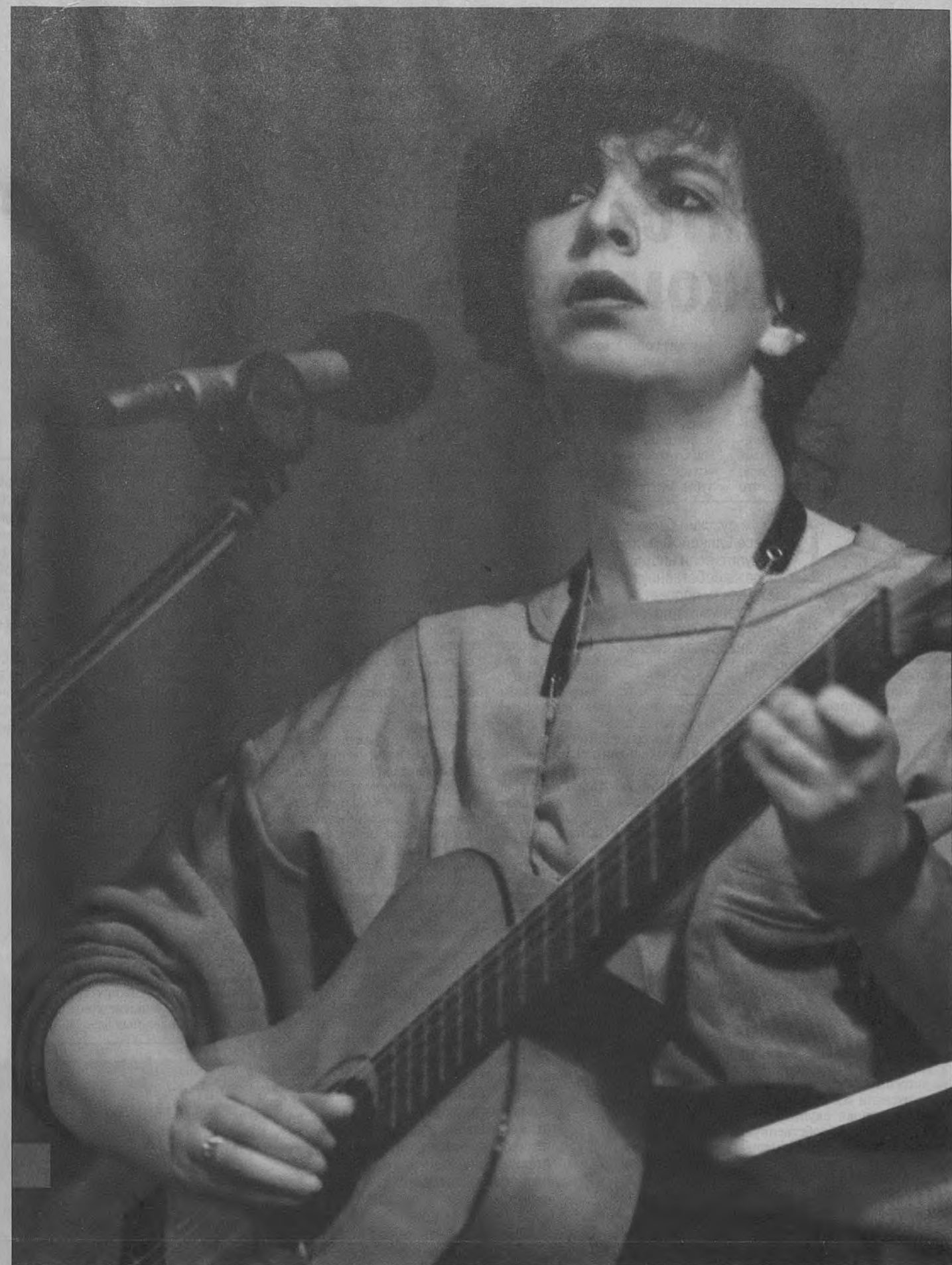
— **Не слишком ли пессимистично?**

— Я не признаю деления на пессимистов и оптимистов. Я разная: мне бывает смешно и грустно, я бываю легкомысленна и взыскательна к себе. У меня сложные отношения с самой собой. Конечно, с годами они более-менее упорядочиваются...

— **Вы сегодня себе больше нравитесь?**

— Не до конца. Сегодня я утешена детьми и работой. Но быстрее устаю. Последнее время я грежу о прозе и уже вижу, как напишу первую фразу: «Усталость — это несвобода». Нельзя устать, из этого произрастает нетерпимость.

На дне старой сумки, качаясь в вагоне метро,

В стране, где женщин никогда не звали Агнесс...

Вероника Долина сама сочинила свою судьбу.

вительно комично не похожи друг на друга.

А семь лет назад моя жизнь взломалась: произошел на свет новый брак, начал вызревать новый ребенок. И этот мой поступок повторился все мои приятельницы (а других не имею): они сломали браки и народили на круг около десяти детенышей, почти исключительно мальчишек. Это случилось на разных континентах, так что семена моего скромного стихосложения разлетелись по свету.

— **Ваш нынешний муж, кинорежиссер Александр Муратов до знакомства знал вас как поэта?**

— Мы познакомились житейски и, по-моему, он обо мне никогда не слышал, хотя в какой-то момент и пытался убедиться, что это не так. Банальная история. Мне вообще кажется, что в том, как люди знакомятся и как заводят детей, нет ничего экстраординарного. Семь лет назад я села в самолет, летящий в Сочи на фестиваль «Кинотавр». Рядом оказался молодой мужчина с темно-русой шетинкой. Я была абсолютно спокойна и ни капельки не воспламенялась: в хорошем самочувствии, только что из Америки, в свежих нарядных тряпках. Моим любимцем в то время был маленький магнитофончик, чуть получше плеера. Я возмил и сказал соседу: «Не желаете послушать?» И сунула ему в уши наушничек песенки на две. Ну, потом слово за словом...

— **Вы не жалуете, что поменяли свою жизнь? Это было неизбежно или все можно было оставить по-прежнему?**

— Думаю, можно было оставить по-прежнему, но судьба слишком тащила за волосы. Жалею ли я? Ни капли. Это мой опыт, мой свежий, чудесный, лучистый ребенок. С другой стороны, очень жалею: при любой революции проливается много крови.

— **Принимая решение, вы беспокоились о судьбе детей?**

— Вы говорите банальности: детей можно закидать шапками. Они, как и любые живые существ-

— Но ведь его папа — физик, доктор наук, профессор. И мой нынешний муж-кинорежиссер чрезвычайно скромный, не рекламный, не декларативный, и никакими киношными фотографиями наш дом не увешан. А мог бы. Он поставил такие симпатичные декоративные, как «Криминальный квартал» и «По прозвищу «Зверь», а сейчас снимает 18-серийную милиейскую сказку «ДДД».

В нашей жизни существует его графство и мое герцогство. Мы граничим, ходим друг к другу в гости, у нас даже есть общий наследный принц Матвей четырех лет. О совместных проектах мы не думаем. Хотя для его последней картины я записала четыре баллады.

И опять я звоню с трудом.

И мурашки бегут по коже.

Приезжай, навести мой дом,

Вот дома у нас непохожи.

Судный день не есть сущий.

Каждый палец тобой исколот.

А потом света и стыд,

А потом света и холод.

Я устала так раздирать тисками.

И давай со мной раздираться,

Разберем меня по кускам.

Эти фото и эти строфы

Поздно складывать и копить.

Ощущение катастрофы,

Не желаясь отступить.

Я пишу теперь клочковато —

Мало магии и волшебства.

И страница мне узковата,

И сицца едва жива.

И сынишке со мною скучно —

Князьке просится все равно...

Приезжай, посидим на кухне!

Есть израильское вино...

Не такая уж я сластена,

Не такая уж Суламифь.

Я смотрю на тебя сиятельно,

Руки за голову заламив.

Хочешь, рядом садись, побалуи,

Расскажи про твою страну.

...Ничего мне не надо, усталой.

Спой мне песенку! Я усну.

— **Дети росли на ваших песнях?**

— Ни в коем случае. Мне не

отбор. Но моя — только не популярность, а индивидуальность — всегда мешала и мне, и им. Мужчина переживает уйму стадий, пока понимает, что ты человек, причем женского пола и сравнительно свежего возраста. Через мою внешнюю оболочку не каждый может пробиться. Она ведь твердела годами: вы хотя бы представляете, что такое московская еврейская девочка 70-х годов?

— **В общих чертах.**

— Не каждый вам расскажет — нас уже мало на Москве осталось. В свое время меня обижал Булат Шалвович Окуджава. С позиции собрата, но с высокомерием кавказца он иногда спрашивал: «Куда тебе с твоим носом?» Дело, конечно, было не в носе. Я просто была не такой, как все.

Все началось в 74-м, когда меня, 18-летнюю, привели в одну московскую компанию. Уже в 76-м начался мой путь по московским квартирам, он привел меня на первый конкурс. В 77-м я уже выступала каждую неделю, а с 78-го года не выдела запов меньше чем на три тысячи человек. Переломной точкой, как страна, бескрайний пласт публики. Это был фарт: простые стихи, незатесанная манера, простенькое треньканье на гитаре, даже мой угрюмый вид производил тогда выгодное впечатление. Люди тогда любили человека с гитарой. Эта любовь давала могущество.

— **Но взамен публика диктовала вам свои вкусы.**

— Я не была за в претензии. Простота, просторечность, внятность — это ничего, думала я. Все-таки какая-то пушкинская струя. Мне кажется, мои первые стихи не сильно отличаются от сегодняшних. Хотя наивности, конечно, поуменилось.

— **Барды — это любители или профессионалы?**

— Талант всегда профессионален. Талантливый — значит жизнеспособный. Талант не может быть неудачлив в гадком смысле этого слова. Он предполагает жизнь, успех, выход к публике.

Случайно нашарить забытый пенальчик помады И губы накрасить — усталый вечерний Пьеро, Которого ждут не дождутся балы-маскарады. И вздрогнешь от горечи — жуткая жгущая слезь. Возьмешься за горло, захочется кашлять и плакать. Масла и добавки в такие оттенки слились. Взамен земляники прогоркшая алая слякоть.

— **Вы верите в различие «мужского ума» и «женской логики»?**

— Ничего об этом не знаю. Не привыкла разделять людей по национальному, половому или возрастному признакам. Мне совершенно все равно, с кем общаться, — мужчиной, женщиной или дитем. Главнее, чтобы внутри человека светилось зерно.

— **Но ведь вы признались, что дружите только с мужчинами. Сами себе противоречите?**

— Может, немножко противоречу. Но, во-первых, мне все равно, а во-вторых, мужчины лучше. Они практичнее. Мужчины более творческие натуры, более бесхитростные. Так называемый женский ум частично является подложным видением корысти во всем, подлаживание мира под себя. Мне это чудно.

— **Но взамен публика диктовала вам свои вкусы.**

— Я не была за в претензии. Простота, просторечность, внятность — это ничего, думала я. Все-таки какая-то пушкинская струя. Мне кажется, мои первые стихи не сильно отличаются от сегодняшних. Хотя наивности, конечно, поуменилось.

— **Барды — это любители или профессионалы?**

— Талант всегда профессионален. Талантливый — значит жизнеспособный. Талант не может быть неудачлив в гадком смысле этого слова. Он предполагает жизнь, успех, выход к публике.

— **Что нельзя снести от мужчины?**

— Думаю, что надо научиться

сносить все. Но есть вещи, нетерпимые для воли. В молодости (сегодня у меня «в молодости» — навязчивая присказка) я была чересчур нетерпимой. Потом успокоилась, а сегодня вновь раздражаюсь, но уже по отношению не к людям, а к государству. Вышло так, что я сама себе государство — социально, душевно и, простите, материально защищенный форт. Но это пока я молода и сильна. А если что-то произойдет — напишите: тут голос ее дрогнул, — не поможет никто и ничто.

В стране, где женщин никогда не звали Агнесс,

Едва ль Агнесс или Агния, зато бывали опыты, поставлен был диагноз,

Хотя никто его не чувствует, никто

В стране, где женщин никогда не звали Агнесс,

Нет, кто-то пробовал

Пролетать случалось:

«Милая, ты ангел.

Но ты не Агнесс все-таки, прости».

Жить там, где женщин, ни одной, не звали Агнесс,

Да и мужчин не звали

Какая нагуба душе,

Какая дикость, серость, варварство, беда.

— **Вам никогда не хотелось уехать из этой страны?**

— Я же настоящий джек-донсовский персонаж и общирала все клондайки. Нет прииска, на котором бы я не побывала. И всякий раз возвращалась. Все мы заложники русского языка. Кроме того, я из тех людей, которым нужно здесь и сейчас. Я утром принимаю решение, вечером его материализую. Как опрочник, для которого слово есть дело.

— **А как же вдохновение?**

— Давно умеем работать с этим материалом.

— **Была задача, которую вам не удалось решить?**

— Я очень реальный человек, для меня нелетимым, говоря академическим языком, «некорректная постановка задачи». Как писал Булгаков, правду говорить легко и приятно. На мой взгляд, жить должно быть легко и приятно. Задачи надо ставить посильные, но на посильной шкале должна стоять самая высокая отметка.

— **Вы пытались когда-нибудь влюбить в себя мужчину?**

— Для этого существует технология. Прежде всего, это огромная работа над собой. Разжигание себя до полного воспламенения, до головной боли. От этого приходят в движение древнейшие механизмы. Это знает каждый творческий человек, любой, кто пишет на бумаге. Высекаемая искра может быть не видна, не слышна, не ощутима, но она попадает в пространство и не может не произвести эффект. Умей увидеть, потянуться рукой, пощупать, разглядеть. Может легко похлунуть, а может обернуться в пергаменты голов и мумифицироваться. Это происходит как в творчестве, так и в любви.

Сколько среби людей ни живи —

Каждый царь или бог.

Но воспоминанье о старой любви

Всех заставит врасплох.

И открывается нильный том,

И ты не вершишь глазам,

А там засуханный бледный бутон,

А был пурпурный розан.

Как он кончики пальцев колол,

Светился весь изнутри!

Как нож из ножен,

Из книги на стол

Он выпорхнул, посмотри.

Там пепел, пепел из лестков.

Так собирай скорей,

Как много на свете тайных богов,

Но и небожителей — да, увы —

Будь то царь или бог,

Воспоминанье о старой любви

Всегда заставит врасплох.

— **Но какой-то у нас с вами по-**

лучается слишком женский разговор. На вашем месте я бы спросила, что мне удалось сделать.

— ???

— Вы знаете поэта, который выпустил 10 компакт-дисков? А эстрадника, который напечатал 15 книг? Это я. Когда я вытираю тяжелую слезу усталости, то говорю себе именно об этом. Это мой эксклюзив. Мой патент. Моя продуктивность.

— **На первый взгляд, показатель «продуктивности» — не из творческого словаря?**

— Мне всегда кажется важным упомянуть, сколько я сделала. Я — из тех, кто знавал миллионные тиражи. В этом году я обехала десять стран, записала компакт-диск на французском языке. Я каждый год выпускаю по книжке. У меня есть человек, который занимается моей звукозаписью в Москве, литературные агенты в Америке и Израиле.

— **У вас были годы, когда вы вообще не писали?**

— Только месяцы. Я могу писать практически в любых условиях. Но на мне ведь семья, дети. А приличная стиральная машина появилась только год назад.

— **Быт вас не раздражает?**

— Напротив. Я люблю дето-производство, возню с детьми и домашними делами. Молодеющую и не блещущую красотой, меня страшила перспектива одиночества. И мне очень хотелось замуж, мечталось о потомстве. Чтобы было: как капитал, как кубышка. Я и стихи производила на свет, исходя из того же принципа: чтобы было. Кстати, в этом году я на удивление легко пишу. Меня можно на час оставить одну, дать бумагу и...

— **Такая легкость не пугает?**

— Когда я была совсем дитя, училась в институте, могла написать за лекцию до пяти стихотворений. Конечно, я стремлюсь к разнообразию и новизне. Но это тоже следствие рыночных законов. Как и стремление избежать самоповторов: монотонный товар хуже продается. Иногда какой-нибудь внимательный

слушатель поймет и упрекнет: Вероника Аркадьевна, вы же то же самое, но на одну строфу короче, спели восемь лет назад. Я ужасуюсь и хлопаю себя по лбу.

— **Признание кого из близких для вас более ценно: детей или родителей?**

— Дети мне очень важны, но они находятся чуть-чуть вне. Родители тоже немаловажны, хотя последние пять лет у нас с ними ослепительная любовь. Весь этот год меня раздражает где-то прочитанная фраза умирающего Олега Дала: «Искусство — там, где мама». У меня сейчас мучительно боится мама, и эти слова прожигают меня насквозь.

Годы прошли.

Похвалил меня Пушкин.

Простил меня Кушнер.

Не стало Булата.

В голове моей нет

уже того молодого салата,

который бы мог сойти,

если акцент снести на зеленость —

Иногда за влюбленность,

а чаще — за полную неутоленность.

Годы прошли.

Изменился мой цензор, искажались

мой контур, я узнала свободу.

Но хотела бы праздновать

ее щедрей, веселей.

Хоть мысленно, хоть еженедельно,

как братья и сестры — субботу.

Годы прошли.

Все не так, как когда-то.

Папа с мамой отменили дату.

Померкли прекрасные принципы.

Сюжет до сих пор непонятен,

составлен из бликов и пятен,

Не Кристи, так Присли...

Годы проходят.

Любовь не совсем бесплодна.

Судьба не всегда беспощадна.

Грядущее — только ли грозно?

Птицы кричат в поднебесьи,

сердце стучит в подреберья.

Надо бы клестись

и клестись в любви —

покуда не поздно.

Покуда не поздно.

Беседовала

Юнна ЧУПРИНИНА

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Пазета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией.
Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел: 915-53-81
Связь с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛДУХИНА
Тел: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
© Все права защищены. В газете публикуются
рекламные, информационно-
культурные материалы.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила Лип. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 288168 экз. (региональный — 212000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербурге Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 11. 08. 99 г.
Заказ 1824.

Наш подписной индекс: 32138

